

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Представлена история развития архитектурного пространства в связи с историей формирования способов взаимодействия человека с миром и с самим собой. Показано, как человек организовывал свое пространство на уровне вписывания его в природу в древности, вычленив и поднимая вверх в эпоху Средних веков, осваивал пространство по законам линейной перспективы в эпоху Возрождения, по законам бесконечности – в период барокко, в зависимости от функциональной необходимости, – в Новейшее время, связанное с возникновением в XIX–XX вв. понятия свободного пространства в архитектуре.

Ключевые слова: история; архитектура; пространство; коммуникация; культура; искусство.

История человеческого общества есть история освоения человеком окружающего мира, что выражалось в создании семиотического или второго пространства в пространстве. Целью статьи являются анализ динамики организации архитектурного пространства в контексте теории коммуникации, а также исследование зависимости способов и форм организации архитектурного пространства в соответствии с доминирующим направлением коммуникации на определенном историческом этапе развития общества. Под коммуникативным пространством в данной статье понимается система отношений, возникающих внутри общества, отношений человека с природой, со сверхчувственной реальностью.

История формирования коммуникативного пространства протекала параллельно с историей формирования человеческого общества, и, по замечанию О.Т. Лойко, одной из его форм могут выступать социальная память и ритуал как ее основание [1]. Изначально человек, как известно, не отделял себя от окружающей среды и поэтому все формировавшиеся формы культуры и способы коммуникации были тесно связаны с формами природы. Такого рода синкретичность предполагала и, можно сказать, предопределяла то, куда сначала будут устремлены все основные усилия – это освоение ближайшего, горизонтального пространства. Поэтому мы считаем, что одной из основных линий, направляющих коммуникативные потоки, будет горизонтальная. Подтверждение этому можно найти в ранней истории человечества. Первые формы, в рамках которых осваивается и организуется коммуникативное пространство, были круг и квадрат (либо вытянутый квадрат – прямоугольник). Хотя формы взаимодействия человек сразу начинает выстраивать в разных формах: межличностные (пока на уровне коллективного «Я»), групповые, массовые. Постепенно он разделит и пространство на подземное, земное и небесное, более грубо – на профанное и святое, и с каждым создаст свои формы и способы взаимодействия.

Наиболее ярким выражением и способом организации человеческого общества выступает архитектура. Процесс выстраивания отношений с окружающим миром начинается с того, что люди, осваивая мир, ведут отсчет от своего жилища, которое выступает своеобразным центром мира. Именно это закладывает основы архитектурной семантики. «Эта ось мира имеет достаточно ясную иерархию – можно сказать, что

архитектура всегда служит медиатором между нижним, средним и верхним мирами» [2. С. 21]. Архитектура, по мнению Г. Ревзина, искусство, которое сталкивается с ситуацией изначального отсутствия пространства, знаковости, семиосферы, потому что именно она распложена в физической реальности и, следовательно, именно она создает и задает своими средствами конструкцию разделения мира «на физику» и «метафизику».

Причем возникновение семиосферы можно, видимо, связать со строительством первых сооружений. Если пещеру как результат действия природных сил вряд ли можно рассматривать как архитектурное сооружение, это, скорее, результат адаптации человека к окружающей среде и результат встраивания в нее, то первые постройки в виде шалашей или палаток уже есть действия, направленные на изменение окружающего пространства. Развитие земледелия и формирование оседлого образа жизни можно рассматривать как переломный момент, приведший к возникновению дома. В некоторых регионах, например в Китае, он «мало изменился, что говорит о необыкновенной устойчивости основных конструктивных принципов архитектуры, основанных на мощном семантическом наполнении ориентации по сторонам света, отдельных конструктивных элементов, цвета, форм, декоративных элементов и прагматических функций дома» [3. С. 99].

Сооружения первых древних цивилизаций уже демонстрируют ясно выраженную ценностную систему отношений внутри общества и сфер его жизнедеятельности, т.е. символизацию пространства. Так, согласно Н.И. Брунову, египетский храм Нового царства демонстрировал полное соответствие ориентации храма шествию религиозной процессии: «...его композиция разворачивается во времени. Два принципа определяют собой общий характер этой композиции: постепенное сужение и постепенное затемнение пространства от входа к святилищу. При этом... сужение и затемнение идут не постепенно, а ступенями... таких основных частей-ступеней в египетском храме... четыре: аллея сфинксов снаружи перед пилонами, квадратный двор, окруженный колоннадой, растянутый в ширину крытый гипостильный зал, сплошь заставленный колоннами, наконец, маленькое святилище...» [4. С. 233].

То есть мы видим, как с помощью определенного сочетания горизонтальных и вертикальных линий

архитектура начинает управлять нами. Организация движения по аллее сфинксов предполагает упорядочивание потоков людей в направлении храма, при этом дорога постепенно сужается, т.е. движение замедляется, и в конце пути человек попадает в узкое святилище – практически останавливается. Тесное пространство предполагает возникновение ощущения неуютности, располагающее к молчаливому созерцанию божества. При этом сами размеры храма очень велики, и во много раз превышают размеры человека, поэтому архитектура способна привлекать и удерживать внимание человека с почтительного расстояния, постепенно вовлекая внутрь и заставляя подчиняться ее ритму. При этом сам храм устроен так, что он скрыт в природе и его задача переводить внимание зрителя на те силы, которые владеют миром. «Египетский храм охарактеризован своей формальной проработкой так, что он воспринимается в своей грандиозности, в своем количественном стиле, как созданный не человеком, а божественной силой» [5. С. 62–63].

В итоге египетскую архитектуру можно рассматривать как результат первых шагов человека по символизации пространства и осознания власти пространственных линий над человеческим поведением. Синкретичность пока еще сохраняется и выражается в стремлении человека вписать сооружения в окружающую среду. Это свидетельствует о горизонтальной линии в мировосприятии и организации коммуникации, несмотря на то что храм поднимается вверх, воздействует он все еще на уровне взгляда человека. Ориентация человека во вне и есть ориентация и направленность всей жизни на природу. «Вписывая архитектуру в ландшафт, египетский архитектор истолковывает природу в духе восточно-деспотической идеологии. Монументальное здание должно служить ключом к природе, наглядно показывая, что главный акцент лежит на природе, охарактеризованной архитектурой как гигантская, господствующая над человеком, подавляющая его» [Там же. С. 12].

Следующий этап осознания архитектуры как средства организации жизни общества связан с развитием греческой и римской архитектуры, которым удалось освободить ее от религии. Греческий храм теперь уже выделяется из природы, он стоит на постаменте, подобно статуе. Само тело храма – периптер, является результатом сочетания форм ордера и колонны. Благодаря возникновению открытых галерей, образованных колоннадой, храм связывается с окружающим его пространством природы. В самой ранней критской архитектуре организация внутреннего пространства отличалась особой живописностью, которая вовлекала человека внутрь себя: «Войдя в него, зритель видел перед собой небольшие помещения, из которых двери вели в соседние комнаты и коридоры, причем благодаря асимметрии и сдвигам, зрителя тянуло идти дальше и следовать по изгибам коридоров, проходя из комнаты в комнату. Это движение внутреннего архитектурного пространства направо и налево еще усложнялось движением его вверх и вниз. Отдельные комнаты и группы их расположены на различном уровне, одни немного выше, другие несколько ниже...» [5. С. 24].

Можно заметить, что именно в греческой архитектуре уже намечилось осознание человеком себя и отделение себя от природы. Свидетельством начавшегося процесса отделения можно считать начало проработки и организации внутреннего пространства сооружений. Так, уже в микенской архитектуре появляется мегарон – главный приемный зал хозяина, который в Тиринфе получает центральное место, и все остальные помещения ему подчиняются.

Возникновение ордера является свидетельством соответствия архитектуры человеку. Греческий храм классического периода был рассчитан на среднюю точку зрения. «Ориентированный по горизонтали обход классического греческого храма V века являлся пространственной сферой деятельности человека, получившейся в результате проекции человеческой мерки, лежащей в основе колонны, на оформляемое колоннами пространство» [5. С. 78].

В отличие от монументальной архитектуры, жилая застройка не теряет своей связи с природой. Жилой дом в этот период отделен от улицы, не имеет наружных окон, и его внутренние помещения получают свет благодаря перистилю, через открытые двери. Это дом, который представляет собой замкнутый мир, собранный вокруг перистиля. Так же, как на заре человечества, люди собирались вокруг костра. В итоге эллинский дом, благодаря открытому перистилю, не отделен от пространства природы и развивается внутрь снаружи, от двора.

Таким образом, граждане начинают замыкаться в мире своего дома, что приводит к потребности обустройства личного жилища, потребности сделать его более комфортным для проживания. Так рождается утилитарная функция архитектуры, обеспечивающая комфортное пространство проживания. Причем организация внутреннего пространства жилого дома отражала систему отношений, сложившуюся в греческой семье с ее гендерными пространствами: мужским, женским; пространством, реализующим определенные функции: сна, приготовления и употребления пищи, работы, приема гостей, что явилось функцией подчинения не только пространства человеку, но и человека – пространству. Таким образом, сформировавшаяся гетерогенная пространственная структура дома, во-первых, задавала общие принципы организации жизни своих обитателей, а во-вторых, будучи транспарентной и осознаваемой людьми, представляла собой субстрат для дальнейшего развития семиосферы, разножанровых культурных языков. В.В. Видеркер, анализируя данную семиотическую ситуацию, писал: «...нахождение внутри гомогенного семиотического пространства нивелирует проблему культурного языка, так как личность способна к фиксации только тех феноменов, которые имеют свой антипод, например, день / ночь, далеко / близко...» [6. С. 91].

В отличие от греческой, римская культура стала родоначальницей монументальной архитектуры светского назначения, начав возводить амфитеатры, цирки, термы и базилики. Римское зодчество стало разрабатывать замкнутое внутреннее пространство в монументальной архитектуре: «...в римском театре здание сцены одной высоты с местами для зрителей, а места

эти непосредственно упираются в боковые стены, служащие по обеим сторонам продолжением сцены... В таком объединении сцены и мест для зрителей в общее кольцо стен одной высоты проявляется тенденция к замыканию пространств, которые стремятся превратить во внутренние помещения, отделенные от окружающего... Объединение сцены с местами для зрителей и возвышение театрального здания над поверхностью земли – различные стороны... процесса образования замкнутого внутреннего пространства, отделяющегося от окружающего пространства природы и наружного монументального оформления здания» [5. С. 228].

Так, развитие архитектуры наглядно отражает процессы, происходящие в человеческом обществе. Постепенно синкретичность в отношении мира и себя сменяется осознанием своей отделенности от природы путем формирования и разработки внутренней организации помещений и их внешней возвышенности и господстве над окружающим ландшафтом. «В Риме стена является главным архитектурным элементом, ордер ее расчленяет. Этот момент очень важен в истории архитектуры: зародилась стена... то есть архитектурная плоскость, отделяющая внутреннее архитектурное пространство от принципиально отличного от него пространства природы... Человеческие отношения еще больше вносятся во внутреннее пространство при помощи расчленения стен большими дверными отверстиями, завершенными чередующимися фронтонами и сегментами круга...» [Там же. С. 235].

К числу архитектурных сооружений, рассчитанных на управление большими массами людей, относится римский Пантеон. Там замкнутое внутреннее пространство получило свою первую проработку. Это центрическое в плане здание позволяет зрителю, находящемуся внутри, понять, что можно даже не вращаясь вокруг себя увидеть все подкупольное пространство целиком. Именно такой подход позволял управлять огромными массами людей, находящимися внутри помещения. Понимая и ощущая однообразность оформления интерьера, у людей отпадала необходимость в перемещениях и позволяла им оставаться на месте, не вызывая особого любопытства, заставляющего нас двигаться. «Колоссальные здания Рима совмещали в себе коллективный характер арочных и сводчатых форм, охватывающих собой большие людские массы и образ монументализированного человека-вождя, даваемый гигантскими ордерами, вырастающими из них и создающими огромные балдахины над воображаемыми монументализированными человеческими фигурами» [Там же. С. 409].

Эпоха Средних веков связана с большими изменениями как в материальном, так и в духовном плане. Главным событием стало всемирное переселение народов, которое привело к гибели Римской империи, возникновению новых географических границ, формированию новых типов обществ как в политическом, так и в духовном и в социальном планах. В духовном плане в Европе произошел переход от политеизма к монотеизму. Все это вкуче повлекло за собой изменения в пространственно-временных отношениях, нашедших свое отражение в искусстве. Несмотря на то, что

Средние века не стали временем отказа от мифологического мышления, человек все еще продолжал измерять мир самим собой, о чем свидетельствовали меры длины: путь исчислялся количеством шагов.

Переход от язычества к христианству связан с возникновением строго иерархизированного пространства, в котором устанавливался жесткий порядок передвижения. Так как в средневековом обществе главной ценностью становится Бог, то все отношения выстраиваются только относительно устремленности человека к Богу. Сам Бог теперь, в отличие от языческих божеств, располагавшихся на земле, находится на недостижимой высоте, и главной осью выстраивания отношений с ним выступает вертикаль. Все, что окружает человека, располагается на разных уровнях, иерархизируется и символизируется по принципу близости к божеству. Троица Бога можно проследить во всех структурах общества: деление общества на три слоя (молящиеся, правящие и работающие), система образования также предполагала прохождение трех ступеней: ученик – подмастерье – мастер, паж – оруженосец – рыцарь и т.п. «Пространство средневекового человека не абстрактно и не однородно. Оно не мыслится как форма, предшествующая ощущению, – это такая же реальность, как и другие божьи творения. Пространство средневекового мира представляет собой замкнутую систему со священными центрами и мирской периферией. Космос неоплатонического христианства градуирован и иерархизирован. Переживание пространства окрашено религиозно-моральными тонами. Это пространство символично» [7. С. 82].

Символизм пронизывал собою все окружающее пространство. Город представлял образ небесного Иерусалима, описанного Иоанном Богословом. Несмотря на то, что некоторые города возникали на месте римских, в процессе застройки их улицы теряли свои прямые линии и превращались в нагромождение разного построек, сильно сужающих и заслоняющих доступ света на улицы. Такого рода хаотичная застройка отражала средневековое понимание пространства, которое стало восприниматься как ограниченное. Плюс ко всему близкое расположение домов друг к другу порождало ощущение тесноты. Такое положение дел только доказывает вертикальную направленность средневекового взгляда и пространства, которое читалось вверх, а не вдаль. Жилые дома, как и храмы эпохи романики, отличались дробностью и разнонаправленностью фасадов и объемов. Дома постоянно росли вверх, так как земли внутри города постоянно не хватало, это приводило зачастую к полному затемнению улиц, на которые свет не проникал даже в дневное время. При этом, как и в Античности, очень мало внимания уделялось организации внутреннего пространства, которое отличалось нерасчлененностью. Как правило, внутри было одно большое помещение, которое раздалось только коврами и могло меняться в зависимости от ситуации. «Нередко в коробке здания делались только большие залы и несколько тайных ходов. Такое несовершенство планировки частично устранялось тем, что залы разгораживали коврами, прикрепляя их к дверным и оконным

рамам» [8. С. 67]. Изменения в организации внутреннего пространства жилища происходят только в XIII в. Именно в это время, по мнению Э. Виолле-ле-Дюка, начинают появляться личные апартаменты, которые стали отделять от других помещений и от помещений, в которых проживала прислуга. Такие изменения свидетельствовали о формировании понятия личного пространства, до этого момента вся семья спала в одной общей кровати, а в случае приезда гостей – вместе с ними.

В эпоху готики возникает первое представление об упорядоченности пространства, его однонаправленности. «Через архитектуру происходит формирование религиозной идентичности» [9. С. 166]. Сам факт перехода ориентации собора от входа к алтарю, подведение внутреннего пространства под единое перекрытие, говорит об осмыслении его как единого целого. Но в целом само пространство остается дробным. Об этом говорит существование в каждом городе нескольких центров концентрации домов. Первой была рыночная площадь, она обрамлялась зданиями ратуши и других общественных служб. Другим центром был собор. Эти центры среди тесноты вокруг также фиксировали вертикальную направленность взгляда горожанина и, можно сказать, что формировали его.

Как пишет Е.И. Ротенберг: «Во-первых, здесь действует фактор неожиданности: внезапное явление на фоне плотной рядовой застройки грандиозного соборного здания... резко перестраивает восприятие зрителя... Другой момент: оказавшись перед собором, зритель, чтобы целиком охватить увенчанный высокими башнями фасад, направляет взгляд ввысь... И, наконец... переживаемый всяким, кто входит в храм в готический собор: после чувства сдавленности и динамического ограничения, накапливавшегося во время пребывания в тесноте городской среды, после уже происшедшей адаптации к ее специфическим масштабным соотношениям и к дробному языку архитектурных форм – после всего этого вход в грандиозный храмовый интерьер... порождает... эффект пространственного разрешения... здание собора, которое при восприятии города извне воспринималось как его объемное ядро, в своем интерьере оборачивается образом чисто спиритуальной пространственности, преобразующей конструктивные элементы в нечто противоположное их материальной природе» [10. С. 40–41].

Говоря в целом об архитектуре Средних веков, можно сказать, что она отличалась большим разнообразием в эпоху романтизма, в каждой области, в каждом виде деятельности была своя архитектура, стиль. Только готика с ее векторной направленностью свидетельствует о формировании единого пространства, организованного в вертикальном направлении и горизонтальной протяженности в светской части. Подобного рода разрозненность и ограниченность пространства в отношении отдельных центров концентрации форм жизни привели к возникновению социально разделенного пространства: одни группы населения концентрировались вокруг замков или дворцов, другие – вокруг храмов.

Вертикальная направленность средневекового пространства связана была и с тем, что большое зна-

чение приобретают лестницы, которые всегда поднимались вверх практически отвесно, они круто уходили вверх, изображая подъем души к Богу. Такая же ценностная ориентация сохранялась и в гражданских постройках. В любом средневековом доме, замке нижние этажи отводились под хозяйственные постройки, в то время как верхние – под жилые помещения, парадные комнаты. «Многоступенчатые, крутые, слабо освещенные лестницы вели в светлые, украшенные помещения или в безопасное убежище, они как бы моделировали трудный путь от земной юдоли к красоте небесной, от гибели к спасению» [11. С. 170].

Усиление роли профанного пространства произошло в эпоху Возрождения, когда формирование пространства города начало зависеть не от религиозного центра, а определяться чистой функциональностью: «...новый город... строился не по принципу пространственно-сакрального стяжения, но по принципу чисто функционального, вполне профанного пространственного разграничения, он весь делился на зоны, как бы самостоятельные пространственные ячейки (площади, улицы), группирующиеся вокруг жилых или общественных зданий (палаццо) или комплексов (монастырь, госпиталь) – образ не predeterminedного извне, свыше, но самоорганизующегося мира, подчиненного собственным, земным требованиям» [Там же. С. 20].

Изменение отношения к пространству города в эпоху Возрождения можно наблюдать и в произведениях искусства. Если в Средние века в живописи и витражном искусстве город изображается издали, как цель, которой необходимо достичь, проделав определенный путь, то в эпоху Ренессанса город начали изображать изнутри, т.е. это уже не дальняя цель, а среда обитания. Таким образом, можно сделать вывод, что вертикаль в восприятии мира и построения отношений с ним постепенно превращается в горизонталь, доказательством чего является ориентация взгляда горожанина не снизу вверх, а горизонтально, вдаль. Открытие линейной перспективы изменило способ восприятия пространства. Главным местом группового общения в городе становится не собор, а городская площадь, которая предназначалась для массовых мероприятий. Она стала местом разных форм общения: делового, обрядового, досугового, политического и т.д. По замечанию О.Н. Сидорчук, «центром праздника и торговли являлась именно площадь. Зимой в городах на ней устраивали катальные горы <...> в селах с этой целью использовали естественные возвышенности» [12. С. 66].

В Средние века все здания выполняли функцию сокрытия, труднодоступности, что было связано как с верой – трудность достижения рая, испытаний, необходимых преодолеть на пути превращения в избранных, так и с внешней обстановкой – это было время постоянных войн и междоусобиц. Сам факт того, что город представлял собой цепь нагромождений разного рода зданий, узких, изгибающихся улочек, что препятствовало легкому его завоеванию. «Средневековое здание, церковное или светское, воплощало феномен закрытости, труднодоступности; чтобы проникнуть в него, необходимо было преодолеть некото-

рый барьер. Материальный, физический, как при входе в палатцу Сеньории, с его решетками, лестницами, сложной системой помещений, соединенных переходами, множеством дверей, порогов, каждый из которых следовало перешагнуть; либо преодолеть психологическую, духовную преграду, переступая порог Баптистерия, чтобы попасть в особый, отъединенный от внешнего мир его внутреннего пространства. Каждый раз – это проникновение внутрь каменного массива, заключающего в себе нечто скрытое» [11. С. 39–40].

Как только площадь стала местом не разрешения пространства и подчинения человека, а раскрытия пространства наружу, она стала восприниматься перспективно. Она перестала быть местом хранения тайны, она стала местом открытым, а следовательно, десакрализованным.

Переориентация взгляда с верха вдаль находит свое подтверждение в том, что во Флоренции существовало требование о соблюдении при реконструкции и строительстве зданий единой высоты карнизов, что предполагало видение города как единого архитектурного пространства. Подобная ситуация наблюдается и внутри жилища, по замечанию И.Е. Даниловой, горизонтальная ориентация дома стала явным выражением идеи равенства его хозяина и гостя, который, попадая внутрь, мог сразу видеть все внутренние помещения, находящиеся на одной оси.

Сама группировка жилых помещений в городе эпохи Возрождения предполагала семейный подход, дома членов одного клана группировались рядом друг с другом. Палатцо сохраняли ориентацию по двум осям: направлено было внутрь и одновременно наружу. Это можно увидеть в обилии аркад на уровне первого этажа, за ними в основном располагались не жилые, а служебные помещения, склады, магазины, которые могли сдаваться в аренду.

Палатцо предполагали организацию не только семейного общения, но и группового. Так, по периметру фасада часто разместились лавки, на которых можно было устраивать посиделки и обмениваться новостями. В XV в. начали строить лоджии, которые использовали как парадные, праздничные залы, места общения семьи.

Как пишет И.Е. Данилова, палатцо заключало в себе определенное противоречие: «...с одной стороны, стремление подчинить пространство, замкнуть его в четкие рамки измеримого и познаваемого, вычленив из иррациональной средневековой безмерности, сделать его своим, обитаемым, организовать его вокруг себя и в этой его измеримости замкнуться; с другой стороны, страх перед этой рукотворностью, замкнутостью, потребность прорвать его и если не выйти за ее пределы, то создать хотя бы потенциальную возможность выхода...» [11. С. 219].

В итоге можно сказать, что пространство в эпоху Возрождения начало принимать горизонтальную направленность, с одной стороны, и принимать разнообразные формы – с другой. Впервые начинает формироваться личное пространство в рамках выделения индивидуальных пространств членов семьи, и массовое пространство, которое из-под купола собора теперь переносится на городскую площадь.

Именно эпоха Возрождения связана с появлением ясно выраженного и социально обусловленного типа сооружений, в которых четко отражалась специфика времени и места. В отличие от Италии во Франции времен Франциска I большое развитие получил увеселительный замок-дворец, в Нидерландах этого периода преобладал гильдейский дом, в Испании – городская дворянская резиденция, получившая название «платереско», в Англии Тюдоров основным типом стал дом-усадьба для среднего сословия, мелкопоместного дворянства.

Архитектура XVI в. стала более зрелищной, ориентированной вовне, «центричность, как правило, сменяется теперь осевым, протяженным построением композиций. Всюду, где возможно, прямоугольный план уступает место вытянутому, круг – удлинённому овалу. Логика ясного тектонического рассказа теперь отступает перед роскошью зрительного, сценического начала в архитектуре» [13. С. 50].

В XVI в. появляется тенденция объединения самого здания с окружающим садом или парком. Именно в итальянском палатцо можно увидеть сквозную ось, объединяющую вход, внутренний двор, через который открывалась перспектива вдаль. Благодаря развитию жилого строительства в этот период формируется понятие комфорта. В Англии индивидуальный жилой дом стал восприниматься как первичная окружающая человека среда.

Архитектурное пространство Нового времени, его организация тесно связаны с первой научной революцией, географическими открытиями, изменениями в политической жизни: формирование абсолютных монархий, национальных государств, наций. Изобретение телескопа и открытие новых земель привели к возникновению понятия бесконечного пространства, психологическому дискомфорту отдельно взятого человека, который остался наедине с этой бесконечностью и потерял твердую почву под ногами. С одной стороны, это привело к росту внимания к организации пространства индивидуального жилья понятного и комфортного для человека, а с другой – это жилье потеряло жестко установленные границы, сад стал продолжением дома, возник новый тип ограды под названием «ах-ах», которая была не видна глазу. Выражением такого положения вещей можно считать строительство Версаля, который объединил в себе две тенденции: «превращение власти в частное дело сюзерена и частной жизни сюзерена в публичное зрелище» [14. С. 35].

Центром жизни становится королевский дворец. Во Франции возникает новый тип площади – королевская площадь, вокруг которой группируются другие сооружения. К этому времени жилая архитектура теряет свое предшествующее назначение – защита от внешних врагов, теперь все чаще жилые помещения начинают располагать на первых этажах, увеличивается пространство оконных проемов. Организация жилого пространства начинает подчиняться единому направлению, становится линейной – это показывает хозяина помещений всем его гостям, которые могли перемещаться вдоль этой оси расположения комнат, наблюдая за жизнью хозяев апартаментов. Так архи-

текстура стала воплощением жизни «напоказ». Также происходит своеобразное возвращение к поиску способов и приемов вписывания здания в окружающее пространство. В Версале королевские апартаменты, кроме того, что они располагались на первом этаже – на уровне природного ландшафта, жизнь и церемониал королевской жизни были организованы так, что король перемещался из комнаты в комнату вслед за движением светила в течение дня. Ф. Дасса так описывает визит к королю: «...визит состоит из последовательной смены подъемов, спусков, переходов и поворотов. Интерьер замка, от низкого вестибюля и лестницы с двойным пролетом через анфиладу гостиных, выводящих к Зеркальной галерее, в глубине которой возвышался трон сюзерена, представлял собой несравненную последовательность ракурсов, совокупность которых оправдывала полное нарушение дистрибутивной логики на втором этаже...» [14. С. 88–89].

Несколько иначе обстояло дело с религиозными зданиями. В них не было анфиладных помещений и все зрелище организовывалось на уровне восприятия фасада. Именно он выступал в роли театральной сцены, которая должна была демонстрировать крепость веры и доступ в храм. По мере продвижения верующего вглубь ему открывалось внутреннее пространство, которое все более усложнялось и насыщалось обилием узоров, орнаментов, скульптуры. Сам план теперь включал большое количество каркасных структур, что вело к большому увеличению количества опор и визуальных просветов. В итоге в произведениях XVI–XVII вв. пространство стало носить театральный, зрелищный характер.

В отличие от пространства Ренессанса, организованного по законам линейной перспективы и ордера, которые подразумевали выверенную систему пропорций, барокко XVI в. ориентировалось на активную позицию зрителя, который стал соучастником пространства. Пространство стало полицентричным: «...эффект полизрения вызывает у зрителя не только ощущение подвижности, но соучастия в так называемом пространственном диалоге, то есть ощущение диалога с пространственным “визави”. Кроме того, этот эффект связан не с суммированием зрительных установок, а с одновременностью восприятия общих несовпадающих позиций» [15. С. 317].

В архитектуре барокко появление вогнутых и выпуклых линий можно рассматривать как одновременное существование двух взглядов: извне и изнутри. В связи с открытием бесконечности само пространство превратилось в череду структурных преобразований, в которой преобладает не очередность, а полифония.

Дворцы и замки второй половины XVII в. организованы по принципу демонстрации жизни и богатства своих хозяев, в силу чего в них мало обращается внимания на продуманную организацию внутреннего пространства. Большое внимание уделяется грандиозности эффектов, анфиладным апартаментам и мало задумываются о комфорте и уюте жизни хозяев. Такое существование в рамках публично организованного пространства мало заботилось об индивидуальном присутствии в доме или замке. То есть пространство не предполагало межличностного общения, его

структура требовала группового общения и максимально парадного представления хозяина. Можно сказать, что в данное время пространство носит репрезентативный характер. Подтверждение этому можно найти в роли лестниц, которых было много и разных. В отличие от средневековых, винтовых лестниц, резко уходящих ввысь и демонстрирующих, тем самым трудности, которые нужно преодолеть на пути к Богу, и направлявших взгляд поднимающегося по ним человека вверх, лестницы нового времени стали более пологими и широкими. У них была одна задача – представлять того, кто по ним спускается, или того, к кому поднимаются. При этом сами лестницы делятся на два вида: черные – для прислуги, и парадные – для хозяев и их гостей, что говорит о закреплении в архитектуре сословного строя общества. Как замечает Виолле-ле-Дюк, в это время почти все, особенно люди высокого положения, были готовы пожертвовать удобством ради величественности. «Тогда дворы были просторны, фасады щедро украшены, внутри зданий – роскошные вестибюли, торжественные лестницы, обширные гостиные, но все это достигалось за счет комфорта. Жилые комнаты были большей частью малы, помещались на антресолях, в них было мало воздуха; ведущие в них проходы и лестницы были настолько неудобны, что можно было сломать себе шею. Люди теснились в жалких каморках под крышами. Кроме парадных апартаментов, все имело тесный и убогий вид...» [16. С. 169–170].

Отличительной особенностью пространства барокко была универсальность, под которой понималась бесконечная прямая линия как перспектива. Но в отличие от линейной перспективы Возрождения перспектива барокко не имела единой точки схода линий. Большую роль в разработке бесконечного пространства сыграли французские мастера, которые создали бесконечность природы на уровне ландшафтной архитектуры. Созданные ими сады и парки имели большие аллеи, проезды для конных экипажей. Посадки были выполнены в форме лабиринтов, что имело кроме развлекательной функции еще и символическую – отражать бесконечность природы. «Вклад Франции в развитие архитектуры барокко особенно велик в двух областях: в более четкой организации различных типов гражданских зданий и в организации внешнего пространства» [17. С. 102].

На уровне организации городского пространства в эпоху барокко также происходят существенные изменения. Если период Возрождения породил город в форме звезды, когда задавалось направление взгляда от бастионов к главному зданию в центре города, то город барокко породил город-улицу, отвечающую представлению о бесконечности. Применение линейной перспективы позволяло «ясно видеть», но только из одной точки. Следует заметить, что город в форме звезды – это город-крепость, которую будет очень трудно завоевать в случае войны. Город-улица в этом отношении менее защищен, но зато очень удобен в плане подавления внутренних волнений, улицы делали достаточно широкими, чтобы было невозможно построить баррикады.

XIX в. связан с возникновением нового понимания пространства в архитектуре, которое было продикто-

вано появлением новых строительных материалов и новых запросов общества. Это было время появления больших промышленных зданий, что повлекло за собой кардинальные изменения в строительстве. Если раньше дом и место работы были заключены под одну крышу, то XIX в. развел эти два пространства. В связи с этим кардинально начинают изменяться тип жилого помещения и его внутренняя организация. Также уместно провести параллель с тем, что возникновение интереса в философии и психологии к внутреннему миру личности породило новое осмысление внутреннего пространства жилища.

Согласно Е.Д. Юхневой [18], именно со второй половины XIX в. в планировке индивидуального жилья произошел переход от анфиладности к закрытости комнат. С 1860 г., по ее мнению, в квартирах стали планировать коридоры, которыми изначально пользовалась прислуга, но постепенно они привели к формированию смежно-изолированных комнат. К середине XIX в. в квартирах начали делить комнаты по функциям. Наиболее распространенным типом жилого дома становится доходный, многоквартирный дом. «Богатые, большие квартиры были оборудованы уборными, ванными, электричеством, грузовым и пассажирским лифтами, а к концу века и телефонами. В большинстве домов устраивались две лестницы – парадная и черная. Около парадной группировались передняя, кабинет, столовая, гостиная; около черной – кухня, спальня, санитарный узел, комната прислуги...» [19. С. 60].

Изменения коснулись и городского пространства в целом. Начинает складываться тип комплексной застройки кварталов и районов. Постепенно складывается город с несколькими центрами, в дальнейшем

эти центры получают свою специализацию (деловой центр, транспортный и т.п.).

Начало XX в. принесло новую революцию в изменении представлений об организации и восприятии пространства. Открытие оптики привело к отказу от единой точки зрения в линейной перспективе и к переходу к свободному расположению предметов в пространстве. Впервые начинает формироваться взаимопроникновение внешнего и внутреннего пространств. В области архитектуры это привело к возникновению так называемого свободного плана. Примером такого положения дел стало строительство дома по улице де Турин, в котором применено свободное расположение комнат. XX в. породил совершенно новые типы зданий, связанные с изменениями общественной жизни, развитием массовых форм взаимодействия как на уровне работы, так и на уровне досуга. Эти процессы настолько глобальны, что им необходимо посвящать отдельное исследование.

Автор приходит к выводу, что организация архитектурного пространства напрямую связана с процессами общественной, политической, экономической и религиозной жизни. Эта связь прошла ряд этапов: от включенности человека в природу до противопоставления себя ей и погружения в самого себя. Другими словами, можно наблюдать переходы от горизонтальной направленности коммуникации в древности до вертикальной в эпоху Средних веков и возврат в период Возрождения к горизонтальному направлению коммуникации, но уже не на уровне слияния с природой, а на уровне межличностного общения и до погружения в себя начиная с конца XIX в. И архитектура как искусство, наиболее тесно связанное с человеком, отражает и формирует все эти формы взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ritual as method of social memory content transfer [Electronic resource] / A. N. Utkina [et al.] // SHS Web of Conferences. Les Ulis : EDP Sciences, 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). [01142, 5 p.]. Title screen. URL: <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801142> <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33045>
2. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. М. : ОГИ, 2002. 132 с.
3. Тихомирова Е.Е., Чжао Цзиннань. Когда жилище становится домом: универсальные культурные смыслы китайской традиции // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. Т. 7, № 3. С. 98–103.
4. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. М. : Центрполиграф, 2003. Т. 1. 400 с.
5. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. М. : Центрполиграф, 2003. Т. 2. 540 с.
6. Видеркер В.В. Роль символистской теории соответствий в развитии ассоциативного мышления у студентов педагогического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 88–92.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 285 с.
8. Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века // Культура Средних веков в памятниках исторической мысли Франции. СПб. : Евразия, 1997. 384 с.
9. Харламов А.В. Коммуникативные аспекты формирования религиозной идентичности // Восток – Запад: проблемы взаимодействия : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. Новосибирский государственный педагогический университет / под ред. К.Б. Умбрашко. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2011. С. 165–173.
10. Ротенберг Е.И. Искусство готической эпохи. Система художественных видов. М. : Искусство, 2001. 125 с.
11. Данилова И.Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 253 с.
12. Сидорчук О.Н. Сибирские ярмарки как культурно-зрелищные центры (XIX – начало XX в.) // Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования : сб. науч. и публиц. тр. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2000. С. 65–78.
13. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 5 : Архитектура Западной Европы XV–XVI вв. Эпоха Возрождения. М., 1967. 675 с.
14. Дасса Ф. Барокко. Архитектура между 1600 и 1750 годами. М. : Астрель ; АСТ, 2002. 160 с.
15. Локтев В.И. Барокко от Микеланджело до Гварини (проблема стиля) : учеб. пособие. М. : Архитектура, 2004. 496 с.
16. Виолле-ле-Дюк Э.Э. Беседы об архитектуре. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. Т. 2. 348 с.
17. Гидион Зигфрид. Пространство, время, архитектура. М. : Стройиздат, 1984. 455 с.
18. Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М. : Центрполиграф, 2008. 368 с.
19. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 10 : Архитектура XIX – начала XX в. М. : Изд-во лит. по строительству, 1972. 591 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 января 2017 г.

HISTORY OF ARCHITECTURE IN THE MIRROR OF THE COMMUNICATIVE SPACE HISTORY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 136–143.

DOI: 10.17223/15617793/415/19

Tatyana V. Chaplya, Novosibirsk State Teacher Training University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Chap_70@mail.ru

Keywords: history; architecture; space; communication; culture; art.

The aim of the article is to analyze the structure development dynamics of the architectural space in the context of communication theory and to research the relation of methods and forms of the architectural space structure to the direction of the dominant type of communication at a certain historical stage of society development. Since architecture is the place of man's living and acting, it can be viewed as a type of a communicative space. Its formation begins with the outlining of the profane and sacred spheres of space. It determines the direction of the further evolution of architecture. The communicative architectural space is developing in the course of further segmentation of the inner structure of buildings and their height growth, creating constructions that would tower over the surrounding landscape. In the Middle Ages a strictly hierarchical and symbolic space appears, giving the communication a vertical direction: from bottom to top. This principle finds its expression in the space structure of the religious architecture. During the Renaissance, the space organization becomes horizontal. It is the first time when we see the formation of the private space: the separation of the family members' and the public territories; the latter moves from the cathedral to the town square. The Modern Era's architectural space structure is formed under the influence of the first scientific revolution, geographical discoveries and changes in the political life. The concept of an infinite space appears. Unlike the Renaissance space organized according to the laws of linear perspective and architectural order, which suggested a strict system of proportions, the 16th-century Baroque bases on the active position of the viewer, who becomes a participant of the infinite space formation. The 19th century divides the architectural space into working and living areas, thus dramatically changing the structure of living quarters. The discovery of optics at the beginning of the 20th century leads to the refusal from a single point of view on the space structure and to an unrestricted placement of elements in the building. As a result, the concept of mutual penetration of external and internal spaces starts forming. In architecture, it is expressed in the appearance of internal and external space free planning. The author comes to a conclusion that throughout history we can observe changes in the structure of the communicative architectural space expressed in the transformations of interaction directions. In the Ancient Times the predominant horizontal direction reflects the syncretism of relations between nature and society. The vertical direction of the Middle Ages shows man's pursuit of God. Then comes the horizontal direction again, connected with anthropocentrism, but aimed outside, at other people; and the horizontal one in the modern culture aimed inside oneself, as a reflection of the introspection tendency.

REFERENCES

1. Utkina, A.N. et al. (2016) Ritual as method of social memory content transfer. *SHS Web of Conferences*. Les Ulis: EDP Sciences. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). [Online] Available from: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33045>. DOI: 10.1051/shsconf/20162801142
2. Revzin, G. (2002) *Ocherki po filosofii arkhitekturnoy formy* [Essays on the architectural form philosophy]. Moscow: OGI.
3. Tikhomirova, E.E. & Zhao Tszinnan. (2012) *Kogda zhilishche stanovitsya domom: universal'nye kul'turnye smysly kitayskoy traditsii* [When dwelling becomes a home: universal cultural meanings of Chinese tradition]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7:3. pp. 98–103.
4. Brunov, N.I. (2003) *Ocherki po istorii arkhitektury* [Essays on the history of architecture]. Vol. 1. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Brunov, N.I. (2003) *Ocherki po istorii arkhitektury* [Essays on the history of architecture]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Viderker, V.V. (2014) Rol' simvolistskoy teorii sootvetstviy v razvitiy assotsiativnogo myshleniya u studentov pedagogicheskogo vuza [The role of the symbolist theory of correspondences in the development of associative thinking in students of pedagogical colleges]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 2. pp. 88–92.
7. Gurevich, A.Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskustvo.
8. Viollet-le-Duc, E.E. (1997) *Zhizn' i razvlecheniya v Srednie veka* [The life and entertainment in the Middle Ages]. Translated from French. St. Petersburg: Evraziya.
9. Kharlamov, A.V. (2011) [Communicative aspects of the formation of religious identity]. *Vostok – Zapad: problemy vzaimodeystviya* [East – West: problems of interaction]. Proceedings of the all-Russian conference on the 50th anniversary of Maksim Brandt. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 165–173. (In Russian).
10. Rotenberg, E.I. (2001) *Iskustvo goticheskoy epokhi. Sistema khudozhestvennykh vidov* [The Art of the Gothic era. The system of artistic types]. Moscow: Iskustvo.
11. Danilova, I.E. (2000) *Ital'yanskiy gorod XV veka: real'nost', mif, obraz* [The Italian city of the 15th century: reality, myth, image]. Moscow: RSUH.
12. Sidorchuk, O.N. (2000) *Sibirskie yarmarki kak kul'turno-zrelischnye tsentry (XIX – nachalo XX v.)* [Siberian fairs as cultural and entertainment centers (19th – early 20th centuries)]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Mezhdru proshlym i budushchim. Voprosy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* [Between the past and the future. Issues of history and history education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
13. Markuzon, V.F. (ed.) (1967) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t.* [The general history of architecture: in 12 vols]. Vol. 5. Moscow: Stroyizdat.
14. Dassa, F. (2002) *Barokko. Arkhitektura mezhdru 1600 i 1750 godami* [The Baroque. Architecture between 1600 and 1750]. Moscow: Astrel'; AST.
15. Loktev, V.I. (2004) *Barokko ot Mikelandzhelo do Gvarini (problema stilya)* [The Baroque from Michelangelo to Guarini (the problem of style)]. Moscow: Arkhitektura.
16. Viollet-le-Duc, E.E. (1938) *Besedy ob arkhitekture* [Conversations on architecture]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. akad. arkhitektury.
17. Giedion, S. (1984) *Prostranstvo, vremya, arkhitektura* [Space, time and architecture]. Translated from English. Moscow: Stroyizdat.
18. Yukhneva, E.D. (2008) *Peterburgskie dokhodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [Petersburg apartment houses. Sketches from everyday life history]. Moscow: Tsentrpoligraf.
19. Khan-Magomedov, S.O. (ed.) (1972) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t.* [The general history of architecture: in 12 vols]. Vol. 10. Moscow: Izd-vo lit. po stroitel'stvu.

Received: 10 January 2017